

№371 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

ВЕРА И ЗНАНИЕ

(Из лекции А.Кураева)

Для начала давайте сопоставим, как работает **учёный**, и как идет путь духовного познания **просто** человека.

Любой факт научного познания состоит из трёх частей. Это:

1. объект познания - то, что я познаю;
2. субъект познания – это тот, кто познает; и
3. инструмент познания – с помощью чего я познаю. Это может быть мой язык, мое тело, астрономическая модель, телескоп, микроскоп, синхрофазотрон и Бог знает что еще.

Что я делаю, согласно с методами классической новоевропейской науки? Берём предмет и «заставляем» его повернуться к нам той стороной, которая нас интересует. Мы «с пристраиваем допрашиваем» природу. Галилео Галилей, основоположник новоевропейской науки, не случайно говорил: «Эксперимент – это испанские сапоги, в которые я зажимаю природу, чтобы заставить её дать нужный мне ответ».

Вот у нас уже пять лет проходят регулярные встречи богословов, философов и физиков в Дубне, в ядерном центре. И года три назад нас повезли в сам Дубнинский ядерный центр, а не просто в Дом ученых, и мы немножко видели этот самый синхрофазотрон. И человек, который нас там водил, очень точно объяснил, чем они занимаются. Он говорит: «Представьте себе большой зал, и в конце этого зала мы вешаем швейцарские часы. Потом отходим к противоположной стене, берём крупнокалиберный пулемет, и расстреливаем эти часы из пулемета. Затем подходим, собираем ошметки, и по ним пробуем составить представление: что это было, как работало и зачем».

Если вы помните хотя бы школьный курс физики, то действительно... берётся плата расщепляемого материала, бомбардируется тяжёлыми частицами, в результате элементы разлетаются, и вот по осколкам определяют, как они летели и что вообще это такое было. А потом мы говорим: «Вот, мы такое обнаружили, там, оказывается, живут такие вот субатомные частицы!» Так они уже не живут, они померли, простите. «Но зато они там были!»

В области духовного познания – можем ли мы себе позволить нечто подобное?.. Я вас сейчас попрошу вспомнить энгельсовское учение о формулах движения материи. Примитивная философия, но что поделаешь, если другой советский человек не знает. Есть там **физический** уровень движения материи, биологический, социальный... Так вот, посмотрите. При переходе нашего изучения на более высокий уровень организации бытия субъект исследования становится всё более и более пассивен. Я как **физик** могу делать всё, что угодно с моими исследуемыми материалами. Как **биолог** я уже не всё могу себе позволить в обращении с животными. Что-то я должен просто подсмотреть. Я могу расчленив животное в целях исследования, но после этого оно перестанет быть живым.

Далее - человек. Вот меня интересует, есть ли у вас совесть, или нет? Я могу, конечно, попробовать вам серной кислотой капать на лысину и смотреть на реакцию. Но вряд ли это достойный способ для того, чтобы познакомиться и нечто важное о вас узнать. О человеке можно узнать только в результате откровения, в диалоге.

Таким образом, чем выше уровень бытия, тем больше идёт нарастание диалогичности в отношениях субъекта исследования и того, что он исследует.

Что такое откровение, замечательно сказал один из незаслуженно забытых богословов 20-го века по имени Винни-Пух. Если помните, однажды Пятачок попросил Винни сочинить вопилку. А Винни ему в ответ просто гениальную религиозную формулу искусства дал. Он говорит: «Нет, Пятачок, ничего не получится. Потому что поэзия – это не такая вещь, которую идёшь и находишь. **ОНА** находит тебя. И единственное, что ты можешь сделать, это пойти и встать в такое место, где тебя могут найти». Вот это и есть на самом деле определение откровения! Можно привести цитату из величайшего русского философа Семёна Франка. Он сказал: «Откровение есть там, где какая-либо реальность сама, своей собственной активностью открывает нам свой смысл и своё присутствие». По большому счёту мы человека можем понять и узнать только по откровению.

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать».*

Тем более в отношениях с Богом!.. Мы Его что, тоже можем расстрелять или зажать в испанские сапоги: «Ну-ка, признайся, бородатый, Ты един в трёх лицах, или наоборот?!» Не получится ничего такого. Мы можем только своё сердце предуготовить к принятию **вести** от Бога. И вот здесь очень важный вопрос: по **ЧЕМУ** мы можем узнать Бога?

Любая развитая религиозная доктрина, не только христианская, утверждает, что Бог в сущности Своей непознаваем. Он выше наших слов. Означает ли это, что мы вообще ничего о Нём не можем сказать? Нет, не означает. Григорий Богослов говорит так: «Мы знаем, что Бог есть. Мы не знаем, правда, **ЧТО** Он есть». Как мы можем понять, **ЧТО** Он есть?

В том-то и дело, что Бог выходит из своей трансцендентности, из Своей потусторонности, и Своей благодатью касается наших сердец. Иными словам, непосредственный предмет религиозного исследования, объект богословского изучения – **сердце** человека. Крупнейший византийский учёный-богослов 9-го столетия патриарх Фотий однажды сказал так: «В **ЧЕЛОВЕКЕ** я вижу тайну богословия». Не потому, что человек – это Бог, как утверждает, скажем, концепция брахманизма. Нет, не поэтому. А потому, что человек – это образ Бога. И Бог касается сердца человека, и по этому следу, который в нас оставляет отпечаток встречи со Всевышним, - по этому следу мы можем определить, Кто нас коснулся, и что Он есть такое.

Значит, смотрите. Непосредственный предмет исследования в акте духовного познания внутриположен по отношению ко мне. То есть объект исследования – во мне. Субъект исследования – я сам. Инструмент исследования – естественно, тоже я сам. Только меняя себя самого, я могу изменить поле моего зрения так, чтоб в поле моего зрения попал Бог. Я не могу менять внешний мир с этой целью. Я не могу менять другого человека с этой целью. Я должен своими глазами его увидеть. Помните, в книге Иова есть удивительная концовка. Друзья Иова так много ему говорили о Боге, и он с ними спорил, и правильно делал. В конце же, когда Бог являлся ему, Иов говорит: «Доселе я только слышал о Тебе, но теперь вижу своими глазами и в прахе смолкаю».

Итак, меняя себя самого, человек в состоянии увидеть подлинную структуру мироздания. Человеческое сердце устроено подобно глаза лягуш-

ки. Лягушка видит только движущиеся предметы. Можно сказать иначе, изменив систему отсчета: когда лягушка прыгает, она видит землю. Вот точно так же и человеческое сердце. Оно начинает различать добро и зло только тогда, когда человек приходит в **нравственное движение**. Если он просто сидит и никаких добрых дел не делает, его сердце глухо, и он только медитирует на тему: "Что воля – что неволя – всё равно".

Далее. Сравним теперь, в качестве **кого** я принимаю участие в акте научного познания и в акте духовного познания. В классической европейской науке исследователь – это чистый разум. Чистый рассудок. Представьте себе: я, скажем, доказал какую-то теорему математическую. Скажите, пожалуйста, кому-нибудь после того, как я эту теорему доказал, интересно, **кто** я такой? Русский или американец, верующий или атеист, женат или разведён? Это всё частности. Это, так или иначе, могло мне помочь в моей научной работе, но в науке любой результат должен быть воспроизводим независимо от личных качеств ученого. То есть в моей научной деятельности то, что я делаю, должно быть исполнимо любым другим исследователем моего класса подготовки. То есть в науке учёный – взаимозаменяемая деталь. А в области духовного познания человек находится в пространстве своего нравственного выбора. А вот нравственный выбор есть там, где вместо меня никто другое решение принять не может.

Эммануил в своём знаменитом "Категорическом императиве" писал: "Действуй так, как если бы история всей Вселенной началась с этой секунды". То есть ты не можешь сослаться в оправдании своей подлости на прошлую историю мироздания: "Ах, эти проклятые 70 лет Советской власти, они меня таким воспитали, поэтому я в храм не хожу!" Милый мой, 70 лет далеко! Они – вон там, а ты – вот здесь. Ты **сегодня** выбираешь, куда идти, в кабаки или в храм.

Так вот, в области духовного познания я действую в качестве свободного и ответственного человека. Не в качестве просто рассудка, но здесь и моя воля задействована, и моё сердце.

Теперь я могу вам сказать то понимание веры, которое у меня сложилось, отчасти - из какого-то личного опыта и, конечно, из изучения Священного Писания и церковной традиции. Вера – это не противоположность знанию. Вера – это способ обращения со знанием. Я сейчас дам точную формулировку. Вера – это личностное самоопределение человека по отношению к тому знанию, которое у него есть. В моей голове много таких знаний и сведений вертится, но далеко не каждую информацию я ставлю в центр своей жизни. Вот, допустим, я знаю, что завтра будет какой-то поразительный футбольный матч. Я об этом случайно услышал по телевизору. Но я не болельщик. Я знаю, что завтра будет матч, но на мою жизнь это никак не влияет. И, наоборот: я спартаковский фанат, я знаю, что завтра решающий матч, хоп-ламы будем физиономию чистить, за Киев реванш брать (Фиг вам! – комм. наборщика). В таком случае я все дела откладываю, срочно обзваниваю всех тех, с кем договорился куда-то пойти, говорю: "Ребята, простите, я, дурак, забыл, завтра футбол" и так далее. И я срочно вылетаю в Москву и смотрю матч на Лужниках, а не по телевизору. Человек верит в победу своей команды. Поэтому информация, которая для меня обычна, им поставлена в центр жизни. Так вот, точно так же и в вопросах веры.

В этом зале почти все – не скажу, верят, но знают, что "что-то есть". На русском языке это теперь так называется. Что-то есть. Как это влияет на нашу жизнь?..

Научный ход мысли таков, который может быть доказан. А вот атеист может доказать своё неверие? Может ли атеист предложить такой эксперимент, проведя который он сказал бы: "Вот, Бога нет"? Однажды я такой эксперимент видел. В 6-м классе, когда у нас был первый урок химии, естественно, первый урок был почему-то атеистическим. И учительница что-то такое там болтала, что-то дымилось, было очень интересно, а

затем, торжественно показывая пробирку с какой-то голубой гадостью, она нам сказала: "Вот, дети, видите, вот тут какой-то там купорос выпал в осадок! А Бог в осадок не выпадет, значит, Бога нет".

Ладно, а если всерьёз? Пусть не в какой-то там пробирке, но возможен ли какой-то эксперимент, который бы действительно сказал: вот, в течение какого-то количества шагов мы получаем конечный вывод, вся Вселенная исследована, на Марсе остались наши следы, выяснено: Бога нет!.. Такое невозможно. А это означает, что атеизм является ненаучной концепцией в своём конечном выводе. Или в своей изначальной посылке. То есть, есть некая вера в то, что Бога нет. Что касается религиозной практики, богословие, напротив, наука опытная. Она совершенно чётко знает, **что** надо делать, как надо жить, какие инструменты надо использовать, чтобы убедиться в бытии Бога. Вот инструмент у тебя в груди, вот твоё сердце. Вот заповедь, вот покаяние. Очисти своё сердце – и ты узришь Его. И, в конце концов, опыт миллиардов людей - и христиан, и не христиан, убеждает нас в том, что Вселенная не сводится к миру бушующей материи. Пожалуй, самое глубокое в православном мире понимание веры высказал преподобный Исаак Сирий (6-й век н.э., Сирия). Он разработал учение о двух видах знания и двух видах веры. Он говорит: "Первый вид есть вера догматическая. Вера как согласие с основными посылками веры. Вера как согласие ума с церковным вероучением. Но когда человек начинает жить по этому учению и по этим заповедям, тогда его вера становится созерцанием Бога.

Каждый из нас живёт множеством жизней одновременно. Мы живём жизнью чисто животной, биологической. Мы живём жизнью социальной, жизнью культурной. Мы живём жизнью психологической. И, наконец, можем жить жизнью Божественной, жизнью высшей. Как апостол Павел говорил: "И уже не я живу, но живет во мне Христос". Так вот, когда человек приобретает опыт веры, входит в мир духовной традиции, его горизонт расширяется, а не сужается.

А разум и светская культура? Конечно, всё это необходимо всем нам. Григорий Нисский говорил так: "Всё доброе, всё то богатство, которое есть в мире внешней культуры, мы должны взять с собою в Церковь". Ту же мысль обосновывал и двоюродный, старший брат Григория Нисского св. Василий Великий. У него есть проповедь: "учение юношам о пользе изучения языческих сочинений", где он тоже говорит об этом. Да апостол Павел: "ВСЁ исследуйте и доброго держитесь" (1Фес. 5,21).

Ещё - забавный детектив Честертона "Сапфировый крест". Там сюжет такой: из Франции в Англию, через пролив Ла-Манш плывет паром, и на нём - священник, отец Браун, и с ним ещё один ксёндз. Естественно - два католических священника на одном корабле, - они знакомятся и начинают беседовать... Заканчивается тем, что Браун вызывает полицию, и полиция арестовывает второго священника, потому что оказалось, что это Фламбо - вор международного масштаба, который просто переоделся священником. А разговор у них был на очень высоком богословском уровне, и Фламбо говорил очень благочестивые вещи, что вот мы не можем познать Бога, мы должны смириться перед тайной Божественного бытия, мы должны поставить разум на его место, потому что, может быть, в иных мирах для Бога иные представления о добре и зле, иные мерки, а разум – что он такое; и так далее. И вот когда Фламбо арестовывают, он спрашивает отца Брауна: "Отче, а как вы всё-таки догадались, что я не священник?" И тот ему говорит: "Понимаете, вы нападали на разум. У священников это не принято". Честертон мог бы написать трактат на эту тему, со ссылками на Фому Аквинского, на Августина, на Златоуста и так далее. И кто бы в Англии стал этот трактат читать? Он написал детектив.

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным